

Г.В. Проскурякова

Волышовская старина

14. Холомки и его обитатели

О Холомках и их хозяевах Гагариных писали в своих воспоминаниях М. Добужинский, В.А. Милашевский, Е. Замятин, К. Чуковский, В. Ходасевич и др., однако речь в них шла о послереволюционном периоде в истории Холомков, главным образом с 1920-1921 гг., когда в Холомках был Дом искусств. В 20-х я бывала в Холомках, знала многих его знаменитых писателей, поэтов и художников, слушала их лекции и видела поставленные ими спектакли. Но, как мне кажется, необходимо рассказать о Гагариных с самого начала строительства Холомков, когда здесь жила большая счастливая семья и, казалось, нельзя было представить возможность тех страшных потерь и испытаний, которые обрушились на эту семью.¹

Андрей Григорьевич Гагарин, крупный ученый, бывший ректор С.-Петербургского политехнического института, младший сын известного русского художника Григория Григорьевича Гагарина, имел значительное состояние, доходные дома в Москве, а может быть, и поместья. Он мог построить себе загородный дом поблизости от столиц, но, по единодушному желанию своей большой и дружной семьи, выбрал место для него в Порховском уезде, Псковской губернии, рядом с Бельским Устьем,

имением Н.И. Новосильцева, председателя Псковского губернского дворянства. В Бельском Устье дети А.Г. Гагарина проводили обычно лето и очень полюбили эти места над Шелонью. Жена Н.И. Новосильцева, Елизавета Дмитриевна, была родной сестрой Марии Дмитриевны Гагариной. Поэтому приобретение земли и разработка проекта усадьбы и дома стали общим делом и заветной мечтой детей.

Вероятно, еще в Бельском Устье родители мои познакомились с Гагариными, во время же строительства дома в Холомках встречи были довольно частыми: семья нуждалась в медицинских советах и помощи, и врач Г.Г. Рюккер (доктор медицины), живший в Строгановской больнице в Александрово и являющийся большим другом и домашним доктором семьи, рекомендовал Гагариным молодого и профессионально хорошо подготовленного волышовского фельдшера, к тому же петербуржца. Поездки отца в Холомки стали частыми по вызову и без вызова, после организации там госпиталя - постоянными. Иногда приглашались в Холомки и дети: я и мой младший брат. Старшие Гагарины были очень приветливы, с молодыми родителями подружились. Младшие дети Гагариных, два сына и дочь, вероятно, нигде не были так счастливы и так беззаботно веселы, как на берегу Шелони, в Бельском Устье, в Холомках, в Баранове. Подружились они не только с местной интеллигенцией, но и со

Продолжение. Начало в №№ 3/1995, 4/1996, 5/1996, 6/1997, 7/1997 и 8/1998. Настоящее издание подготовлено к печати дочерью Г.В. Проскуряковой Н.Н. Масленниковой.

многими крестьянами, больше парадных выездов любили прогулки верхом то в Волышово на почту, то в Максаков Бор в маленькие лавочки, то в окрестные леса: Щенецкий бор, Карачуницкий лес. Они всегда были в окружении молодых друзей, которых приглашали из Петербурга и Москвы, чтобы поделиться радостью от пребывания в этих местах. Со временем Софья Андреевна пристрастилась к езде в экипаже (“шарабане”), в него запрягали крепкую небольшую лошадку Феньку, правила ею сама Соня или часто сопровождавший ее брат Гриша.

Имение Бельское Устье имело давнюю историю: в нем большой парк, величественная церковь на старинном кладбище, большой и нарядный деревянный дом на высоком берегу. Имение Холомки строилось по проекту Андрея Григорьевича и его сыновей на месте, которое не имело традиционной планировки, поэтому они были свободны в своих творческих поисках. Усадебный дом в Холомках должен был, вероятно, напоминать прекрасные дворянские усадьбы начала XIX в. и пушкинских времен и в то же время быть современным. Началу XX в. был свойственен все растущий интерес к русскому классицизму. Осуществить замысел удалось архитектору И.А. Фомину, одному из крупнейших архитекторов стиля неоклассицизм, уже построившему дом для князя Оболенского в Финляндии. Совет обратиться к И.А. Фомину могли дать Гагариным А.Н. Бенуа и другие художники “Мира искусства”, близко знавшие Гагариных и особенно княгиню Марию Дмитриевну (урожденную княжну Оболенскую), которая была художни-

цей и принимала участие в организации ряда художественных мастерских, в том числе “Новой художественной мастерской” в Петербурге. В ряду блестящих и хорошо известных произведений И.А. Фомина дом в Холомках занимает особое место, представляет собой “обобщенный образ старинного барского усадебного дома, компактного, уютного”.²

Андрей Григорьевич вместе со старшим сыном Андреем принимал участие в техническом оснащении дома, стремясь сделать дом теплым, комфортабельным, современным и красивым. С большим вкусом и выдумкой разбивались парк и парадный двор, а также служебные постройки (поодаль от главного дома).

Интерьеры дома в Холомках были также тщательно продуманы, в нем должно было удобно жить всем членам большой семьи и спокойно работать отцу: его научные интересы играли важнейшую роль в образе жизни Гагариных. В Холомках Гагарины проводили не только летние месяцы, но иногда и зиму. Обстановка в доме, мебель и оформление были заказаны известной фирме Мельцера. Однако полностью осуществить план оформления интерьеров не удалось, так как началась мировая война.

Семья Гагариных была многочисленной и очень дружной. Только старший сын Андрей редко бывал в Холомках, а второй сын Сергей, дипломат, иногда приезжал даже зимой. Он первый из Гагариных женился, подготовка к его свадьбе взволновала все семейство, так как он женился на вдове, женщине недворянского происхождения. Однако этот брак оказался счастливым, родились дети,

которые сохранили многие традиции семьи деда, хотя и оказались за пределами России.

Все шестеро детей А.Г. и М.Д. Гагариных были очень красивы, хотя и разные, они были больше похожи на отца - темноволосые, темноглазые и кудрявые. Про А.Г. Гагарина Евгений Замятин, учившийся в политехническом институте и знавший профессора Гагарина, писал в своих набросках к роману "Дубы", о Холомках, что князь красив "такой зимней красотой", что у него курчавые, пушкинские, арапские, теперь серебряные волосы.³ Из сыновей особенно были похожи на отца Сергей и младший Петр ("Бэби"). Только один из сыновей, Лев, был похож на мать - в Оболенских, русский, светлый, с мягкими чертами лица и светлыми глазами.

Про Марию Дмитриевну Гагарину художник В.А. Милашевский писал, что в ней было много очень русского, радушного, широкого, что в ней было много артистизма, хотя она профессионально не готовила себя ни к какой артистической профессии. Она была очень счастливым человеком, что чувствовалось даже в трудные времена. По словам В.А. Милашевского, в ней было "столько какого-то свету, запас этого света".⁴

Самым большим сокровищем семьи была единственная дочь Гагариных Софья Андреевна, она была четвертым ребенком в семье. Отец считал, что она похожа на его мать, тоже Софью Андреевну, жену художника Григория Григорьевича Гагарина, а всем знавшим ее казалось, что она похожа на черкешенок и грузинку на картинах ее деда. Она была небольшой, тоненькой, у нее были исси-

ня-черные блестящие вьющиеся мелкими колечками волосы и огромные красивые глаза. Внешность Гагариных, артистизм матери, необыкновенное очарование, простота, естественность, живость и приветливость никого не оставляли равнодушными. Ее обожал отец, ею восхищались старшие братья, ей с радостью повиновались младшие братья. В нее не могли не влюбляться все мужчины, бывшие в Холомках.

Она училась балету, и ее брат Григорий, близкий ей по возрасту, также прошел балетную школу, чтобы быть ей партнером: вдвоем они профессионально исполняли сложные балетные партии и дуэты, он же сопровождал сестру в близких и дальних поездках по окрестностям Порхова. Софья Андреевна, Сонечка, и в обычные дни одевалась, как балерина: в строгое платье с широкой юбкой и пояском на тонкой талии; больше всего запомнилось ее любимое черное легкое платье в мелкую белую крапинку и маленькая белая шапочка с небольшими полями, из-под которой выбивались темные колечки волос. Но она почти никогда не расставалась с одним своим любимым украшением, браслетом из 8 крупных камней с изображением римских императоров и императриц: эти камеи, как она сказала В.А. Милашевскому, когда-то в Риме в антикварных лавках подбирали ее дед и Карл Брюллов.

Все Гагарины были очень музыкальны. В еще не совсем законченном доме появились рояль, на котором Мария Дмитриевна и Софья Андреевна играли в четыре руки, и арфа, на которой играла Софья Андреевна. Почти все Гага-

рины играли на гитаре, что было в то время принято, и пели старинные русские и цыганские романсы, гусарские шуточные песни и озорные песни собственного сочинения. Позднее лучше всех пел и играл на гитаре младший сын Гагариных - Петя.

Хотя старшие Гагарины были прекрасно европейски образованы и много жили за пределами России, в частности во Франции, они любили особенно русскую музыку - Чайковского, Рахманинова, Калинникова, хорошо знали и артистически читали произведения русских писателей.

В Холомки они привезли прежде всего отличную библиотеку с книгами на трех языках, а потом библиотека быстро пополнялась новинками литературы. Книги в Холомках были в очень большом почете.

Русские помещики в XVIII-XIX вв. воспитывались чаще всего французами - гувернерами и гувернантками, жили в традициях увлечения французской культурой. Такое направление было, по-видимому, и у владельцев Вольшова. Однако к концу XIX в. и в начале XX стала развиваться все больше тяга к английскому языку и соответствующему образу жизни. Для Гагариных она была определена прежде всего научной специальностью отца - физикой. И хотя в библиотеке было много французских книг и родители жили когда-то во Франции несколько лет, говорить вся семья А.А. Гагарина предпочитала на английском, он для детей был как бы вторым родным языком, а отсюда интерес и любовь к Англии.

Наверное, отчасти поэтому у молодых хозяев нового имени "Холомки" и особенно у Софьи

Андреевны появилась симпатия к семье вольшовского фельдшера и его жены-полуангличанки. С.А. Гагарина радовалась тому, что и жена, и дети ее "учителя" (как она называла фельдшера из Вольшова) были настоящими англичанами по виду. Ей нравилось, как она говорила, сама обстановка трехкомнатной квартиры, неожиданная для сельских интеллигентов: вместо непрременной "залы" - просторная, светлая спальня, и большая часть ее занята игрушками и детской мебелью.

Как это ни странно, под влияние молодых князей Гагариных, всего их уклада и духа прежде всех попал наш отец; наверное, большая его начитанность помогла ему и в жизни оценить настоящую интеллигентность всей семьи Гагариных. В нашей квартире была изменена обстановка. Позднее я увидела подобный силуэт стульев и кресел в петербургской квартире одного из старших Гагариных (вероятно, Сергея Андреевича) на Английской набережной: отец, наверное, нарисовал, а вольшовский столяр сделал довольно искусное подражание. Потом из нашего дома исчезли гармонь, появились полки новых книг.

Князья Гагарины происходили из древнего и знатного рода, были рюриковичами, потомками киевских князей. Андрей Григорьевич помнил об этом и считал, что происхождение требует от него и его сыновей безупречного исполнения своего служебного (офицерского, дипломатического, профессорского) и человеческого долга, его сыновья учились в учебных заведениях, которые не считались привилегированными, выбирали поприще по своему пути, и судьбы их, казалось, складывались счастливо.

В обычной жизни в Холомках князь был приветлив и мягок. Он не стеснял все свое шумное семейство, когда выходил из своего кабинета к вечернему чаю, в котором участвовало много гостей и друзей его детей. Мария Дмитриевна обычно сидела у окна и рисовала на маленьких дощечках и спичечных коробках, как было тогда принято, прелестные пейзажи, иногда даже увиденные ею из окна, и дарила гостям особенно понравившиеся им эти миниатюры.

Чай разливала гостям сидящая за большим столом высокая, немолодая, но еще красивая женщина, темноволосая и темноглазая, с маленькими усиками на верхней губе - Евдокия Семеновна (Дуня). Мария Дмитриевна и Евдокия Семеновна были одинаково одеты в такие вечера: на них были белые кофточки и черные юбки с твердыми поясами. Положение Евдокии Семеновны в доме было особенное: ее уважали и слушались все дети, но главные ее заботы были посвящены Сонечке. Если же нас привозили в Холомки, то с нами были все приветливы, а покормить и угостить чем-то вкусным нас уводила к себе Евдокия Семеновна. В управлении хозяйством большого дома, вероятно, ей принадлежала важная роль.

Для всех Гагариных было характерно желание кому-то помогать. Мои родители рассказывали, что однажды Соня и Гриша сложили деньги, которые время от времени давал им отец на их личные расходы, и на них построили дом для одной бедной женщины. Льва Андреевича за доброту, мягкость и желание помочь другим людям в семье называли Иоанном Кронштадтским.

Однажды осенью, когда я уже училась в Елизаветинском институте в Петербурге, Мария Дмитриевна взяла меня и мою подругу, тоже институтку, в свой вагон, который они арендовали у железной дороги для переезда на зиму в город, чтобы моих родителей избавить от значительных трат и забот. В вагоне было несколько купе и ехало несколько членов семьи и прислуги, но Мария Дмитриевна взяла нас в свое купе.

Когда Софья Андреевна стала фрейлиной, у нее появились какие-то права, она добилась для меня возможности учиться в Елизаветинском институте не на средства моих родителей, а на государственный счет.

Когда началась первая мировая война, Гагарины оборудовали в своем только что отстроенном доме госпиталь для легкораненых и содержали его на свой счет. Дорога на Холомки была такая, что воинов с тяжелыми ранениями доставлять по ней было нельзя.

Добрые дела Гагариных, их хорошие отношения с людьми самого разного происхождения, состояния, общительность, приветливость и простота получили неожиданное вознаграждение: когда в 1918 г. арестованный без серьезного повода как заложник Григорий Андреевич бежал из-под расстрела, на который его вели, многие знакомые и незнакомые люди не выдали его, скрывали, хотя рисковали жизнью, спасли, уверенные, что Гагарин не может быть преступником.

После организации в доме Гагариных госпиталя Софья Андреевна стала сестрой милосердия. Окончив курсы сестер, она получила разрешение пройти практику в Вольшово, у нашего отца.

Фенькой звали небольшую караковую лошаду, которая была приобретена специально для единственной дочери (она была невысокая, и лошадь была ей по росту). Но верхом мы ее не видели: лошадь была запряжена в небольшой экипаж, там могли поместиться и три человека, но Софья Андреевна Гагарина часто ездила одна; в Вольшово она нередко бывала на почте и в аптеке. Во время медицинской практики в 1914 г. приезжала и ежедневно, и надолго. Не знаю, как ею преодолевалась преграда - Шелонь: может быть, на пароме или вброд.

Княжну Гагаринову, конечно, с почетом принял бы управляющий Строгановским имением, экипаж стоял бы тогда за решеткой конюшни, но Софья Андреевна держалась скромно: оставляла упряжку рядом с крестьянскими телегами у коновязи, на большой дороге, против амбулатории. Вместе с фельдшером Софья Андреевна проводила весь прием, с 9 до 12 часов, после короткого отдыха уезжала в Холомки. Не знаю точно, но догадываюсь, что изредка видели ее в Александрове, в Строгановской больнице, где был замечательный врач и друг ее семьи Г.Г. Рюккер. Его, да и вольшовского фельдшера, и теперь еще там помнят через несколько поколений. В любом обществе, в любой ситуации Софья Андреевна оставалась сама собой.

Гагарины часто ездили за границу, отец брал дочь в Америку: там он посещал многие города, куда его привлекали интересы ученого и изобретателя. Из одной такой поездки Софья Андреевна прислала моим родителям открытку - свою фотографию: на маленьком любительском снимке она была

изображена на какой-то горке, издали. Мне запомнилось, что там, в этом далеком путешествии, она была одета точно так, как во время приездов в Вольшово: тоненькая, небольшого роста, она любила одеваться в темный костюм с широкой юбкой из очень добротной темной материи; юбка, как у балерин, белая кофточка шелковая и белая "панамка", из под которой красиво оттеняли лицо кудрявые волны. На открытке, между прочим, было написано, что Софье Андреевне очень нравится в Америке, больше всех, известных ей, стран она "похожа на Россию".

В Петербурге мы с братом еще детьми несколько раз были в квартире Гагариных на Английской набережной. В большой квартире несколько парадных комнат были похожи на музей. В них были картины в тяжелых рамах и красивые стулья, поставленные так, чтобы удобно было смотреть картины. Собрание картин нам показалось очень серьезным, мрачным, особенно неожиданным было обилие гравюр. Мы пожалели о светлом, уютном доме в Холомках.

Так как наша семья тогда только что переехала из Вольшова в Петроград, Софья Андреевна решила показать нам, детям, самый красивый театр и пригласила нас на оперу. У них была ложа в бельэтаже, совсем близко от сцены. Опера была скучная, не знаю даже, стали ли ее слушать и сами Гагарины, особенно старшие (опера "Метель" С. Танеева), но театром мы были совершенно восхищены.

После революции Гагарины далеко не сразу уехали в эмиграцию. Когда в Холомках была колония Дома искусств, С.А. была одним из самых активных ее членов. Нис-

колько не притворяясь, она жила среди давно знакомых ей ученых и художников, но также и среди окружающих крестьян и в любом разговоре, в любом обществе была живой, простой и естественной.

Впоследствии, после 1917 года, залы второго и первого этажей здания использовались и для массовых праздников - со спектаклями и танцами, особенно во времена, когда в Холомках работала колония Петроградского Дома искусств. Но мне хочется подчеркнуть, что и до революции владельцы Холомков, особенно молодые, не сторонясь окружающего населения, приглашали к себе в дом не только приезжую знать и помещиков, но и многих из окружающего населения, а уж на елку перед Новым годом в доме были гостями, пожалуй, очень многие дети из округи.

Особенно запомнилась встреча нового, 1916, года.

Елка была огромная, отлично украшенная, музыка разнообразная - рояль, арфа, гармонь, гитара. Ошедшей тогда мировой войной напоминали не только раненые из госпиталя, можно сказать вторые хозяева Холомков, но и несколько блестящих офицеров, оказавшихся в этот праздничный день в гостях у молодых Гагариных (младший - Петя - был еще, пожалуй, в 3 классе). Не знаю, какие подарки были вручены каждому из детей, потому что я была всецело поглощена своими: однотомником сочинений Н.В. Гоголя и крошечными бирюльками в коробочке. Бирюльки стали моей любимой игрой.

Книги в Холомках были в огромном почете. Мне подарили Н.В. Гоголя потому, что Софья Андре-

евна сделала разведку и узнала, что однотомники А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова у меня уже есть.

Новогодний тот вечер для детей окончился поздно, очень красива была зимняя дорога в Волышово - через замерзшую реку, рожи и просторные луга.

Сонечка и Гриша танцевали, пели и играли на музыкальных инструментах не только для знатных гостей, но и для всего населения Бельского Устья, Баранова, Опаркина, Захонья. И на новогодней елке в Холомках, в любой день выступали они перед ранеными в своем госпитале, а однажды приехали ночью "ряжеными" в Волышово и устроили в нашей маленькой гостиной целое представление. Троиц из этих "ряженных" было трудно узнать: священник С.Н. Васильков снял свой нагрудный крест для участия в недозволенной его сану потехе; второй, раненый офицер из госпиталя, племянник министра, А.А. Дурново, был одет ... папой римским, а Т.И. Иванюкова - дочь профессора истории - изображала одалиску при дворе султана. Остальные были трое Гагариных - турчанка, турок и Петя - молоденький негр; они разыграли небольшой балет, за которым величественно наблюдали и "папа" и сам "султан" - князь С.М. Путятин.

Нам, детям, позволили остаться и быть зрителями. Тогда были зимние каникулы - и лишь поздно ночью трое саней умчали "ряженных" из Волышова.

Перед революцией мои родители переехали в Петроград. С Холомками и его обитателями я встретила лишь в 1920 году.

(Продолжение следует)

Примечания

1. В №3 журнала опубликована статья М.Т.Марковой о Холомках, написанная на основании опубликованных, а также архивных материалов. Г.В.Проскурякова пишет об обитателях Холомков по своим личным впечатлениям и впечатлениям родителей.
2. Борисова Е.А., Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX - начала XX вв. М., Наука, 1971. С.190.
3. Евгений Замятин. Дубы. Наброски к роману. (Из доклада А.П.Гагарина на научной конференции "Рукописное наследие Евгения Замятина" в С.-Петербургской Национальной библиотеке в 1997 г.)
4. Милашевский В.А. Воспоминания. Добавления. С.1-2.
5. Гагарин Г.А. Воспоминания // "Звезда", 1994, №2. С.158-170.
6. Евгений Замятин. Дубы. Наброски к роману. С.14-16.

Наброски Е.Замятина, введенные в научный оборот вместе с его рукописным наследием, в последние годы, как сказано выше, написаны на материале, собранном автором во время его пребывания в Холомках. Один из набросков романа посвящен встрече нового года и поездке ряженых по окрестностям Порхова. Отрывок почти полностью совпадает с воспоминаниями об этом Г.В.Проскуряковой, которая не знала о набросках Е.Замятина.

Е.Замятин был в Холомках лишь в 1921 г. Ему рассказать об этих эпизодах могла только Софья Андреевна. Ей была дорога и запомнилась эта ночь из совсем другого времени, когда еще был жив отец, все братья были где-то рядом, хотя уже шла война и ее родители тревожились за сыновей.



Дом в холомках. Вид от реки.



Мария Дмитриевна Гагарина
в молодости.



Андрей Григорьевич Гагарин в
своем кабинете в Холомках.



Лев Андреевич и Софья
Андреевна Гагарины.



Лидия Андреевна Фишер
(Проскурякова) в Демидовском
училище с Санкт-Петербурге.



Галина Васильевна Проскурякова
в Елизаветском институте в
Санкт-Петербурге



Лидия Андреевна Проскурякова с
детьми в своей квартире
в Волышове



Сын и дочь В.Г.Проскурякова со своей
прабабушкой в Волышовском парке.